

Лу Сяо, словно ребёнок, склонился на колени Лу Сюэхань и вздохнул. Худые пальцы Лу Сюэхань мягко коснулись обнажённой шеи Лу Сяо, и их голоса слились воедино:

— Жди.

Лу Сяо поднял голову и встретился с холодным взглядом Лу Сюэхань. Его голос, пронизанный ледяным спокойствием, звучал чётко:

— Будучи подданным, ты не можешь поступать по своей воле. Ты должен быть верен императору и сострадать страданиям народа. Ты всегда скрываешь свою истинную натуру за маской беззаботности, держишься на расстоянии от людей, не желая связываться с хищниками, но в глубине души ты всё же испытываешь сострадание. Сяо, борьба с системой может казаться безнадежной, но если ты не слаб, как тростинка, а силён, как тигр, тогда всё иначе.

— ... Но я не тростинка и не тигр. Я просто Лу Сяо.

Его голос, приглушённый рукавом, звучал глухо. Лу Сяо почувствовал, как его ноги немеют, и сел.

— Брат, не беспокойся, я всё помню. Если бы эти девушки страдали перед моими глазами, я бы не остался в стороне. Но я узнал о них только тогда, когда их уже не было. Я никого не смог спасти. Остаётся только ждать, пока не наступит день, когда эти несчастные получат справедливость.

Лу Сюэхань мягко убрал руку и пробормотал:

— Это не будет слишком поздно.

Ночью, в тишине, окружённой тонким ароматом, Лу Сюэхань сидел, укрытый шёлковым плащом, который принёс Лу Сяо. Капли ночной росы слегка увлажнили край его одежды. Подняв глаза к звёздам, он достал из рукава полоску бумаги. Взглянув на неё, он мгновенно превратил её в пепел, а лёгкая улыбка исчезла с его лица.

Он подумал: «Сяо — маленький лжец. Никакого красивого кота не было. Всего лишь неопытный волчонок».

—

Лю Хэн был уже за пятьдесят.

Лю Синьюань, хоть и был неудачником, оставался его любимым сыном, которого он оберегал более двадцати лет и будет оберегать впредь. Сейчас Лю Хэн сидел, откинувшись на мягком кресле, и тяжело кашлянул, позвав слугу у двери:

— Отправь молодого господина к господину Хэ. Приготовь карету, я сам поеду.

Лицо Лю Хэн, обычно скрывающее истинные эмоции, теперь выражало искренность. В обычные дни он и Хэ Чжицзин поддерживали формальные отношения, обмениваясь любезностями на праздниках. Но теперь Лю Хэн был вынужден просить о помощи. Он улыбнулся:

— Дорогой Хэ, мне придётся побеспокоить тебя на несколько дней.

Хэ Чжицзин сохранял спокойствие:

— Господин Лю, о чём вы говорите? Я никогда не сомневался в характере моего зятя, тем более что Вань ждёт его дома.

Искренность этих слов была под вопросом, но Хэ Чжицзин знал, что результат будет в его пользу. Лю Синьюань был связан с его дочерью.

— Тогда я спокоен. С тобой, дорогой Хэ, я могу быть уверен, — Лю Хэн прищурился, и на его изборождённом морщинами лице появилась улыбка. Он снял с левой руки чётки из восемнадцати бусин и протянул их:

— Эти чётки не самые лучшие, но они были освящены настоятелем храма Баохуа более десяти лет, а затем хранились у меня двадцать лет. Сегодня я дарю их тебе на удачу.

Хэ Чжицзин внимательно рассмотрел чётки. Восемнадцать бусин из глазкового дерева, освящённые настоятелем, вызвали у него чувство удовлетворения. Он с благодарностью принял подарок. Лю Хэн, не задерживаясь, быстро попрощался.

В комнате витал аромат сандалового дерева. Хэ Чжицзин, перебирая чётки, закрыл глаза:

— Завтра после суда я навещу моего бесполезного зятя.

На следующий день в тюрьме Министерства наказаний.

Хэ Чжицзин действительно не обидел Лю Синьюаня. Ему подавали обычные блюда, а ночью принесли тонкое одеяло. Хотя он находился в тюрьме, на самом деле ему было комфортно и безопасно. Хэ Чжицзин не видел зятя несколько месяцев, и когда тюремщики привели Лю Синьюань, он был поражён, как сильно изменился его внешний вид. Хотя он был жив, его дух казался полностью сломленным.

Хэ Чжицзин принял вид заботливого тестя:

— Синьюань, как прошла ночь? Не беспокойся о вчерашнем суде. Я разберусь со всем, и ты сможешь вернуться домой через пару недель.

За железными решётками Лю Синьюань сидел, прислонившись к стене, его одежда была растрёпана. Он, казалось, не слышал слов тестя, играя с соломой под собой. Хэ Чжицзин

нахмурился:

— Синьюань?

Лю Синьюань медленно опёрся на ближайшую решётку, сменив позу, и посмотрел на министра. В его глазах оставалась лишь тень осознания, и он равнодушно произнёс:

— Тогда спасибо, тесть.

Хэ Чжицзин подавил раздражение:

— Через несколько дней я встречу с заместителем главы Суда Дали для допроса. Когда тебя спросят об этом деле, просто скажи, что ты не причастен. Я разберусь со всем остальным.

— О, тесть, сколько же мой отец вам заплатил?

— Синьюань, не говори глупостей!

Лицо Лю Синьюань стало болезненно бледным, а в глазах появился красный оттенок. Он схватился за решётку, словно вспомнив что-то:

— Эта мерзкая Хэ Вань, воображает себя знатной дамой. Я всего лишь привёл в дом двух наложниц, а она целыми днями строила мне рожи. Она притворяется святой, но в постели она как мертвец! Чем больше она злится, тем больше я буду её мучить. Если она не может угодить мне, найдётся множество других, кто сможет!

Хэ Чжицзин, имея за плечами тридцать лет службы, сохранял внешнее спокойствие, но его глаза выдавали внутреннюю ярость.

— Ты бы не подумал, но первая из этих семи девок была подарена мне Хэ Вань. Она думала, что с помощью этой хитрой шлюхи сможет контролировать меня, но она ошибалась! Я даже помню её имя — Юйнян.

Лю Синьюань, казалось, возбудился, произнося имя Юйнян.

— Я видел, как она умирала. Её глаза остановились, сначала она умоляла о пощаде, глупая дура.

В сознании Лю Синьюань пробудился зверь, но Хэ Чжицзин, охваченный гневом, не заметил его безумия и не стал углубляться в причины его речи.

Напряжение в воздухе достигло предела.

— Господин Хэ, мне кажется, Хэ Цзинь лучше, чем Хэ Вань. Она просто слишком молода.

Может, через пару лет вы выдадите её за меня, чтобы я мог наслаждаться жизнью с двумя жёнами!

Хэ Цзинь было всего тринадцать, она была красивой и нежной девочкой. При рождении ей предсказали великое будущее, и Хэ Чжицзин все эти годы воспитывал её как будущую императрицу. Теперь, когда второй принц готовился к совершеннолетию, он не мог позволить Лю Синьюаню запятнать её имя!

Хэ Чжицзин молча перебирал чётки. Тюремщики, боясь даже дышать, старались слиться с каменной стеной. Наконец, Хэ Чжицзин резко приблизился к решётке и произнёс:

— Через десять дней Лю Синьюань будет допрошен.

Переступив порог тюрьмы, один из тюремщиков, ничем не примечательный, подошёл ближе:

— Господин, что нам делать?

— Всё как обычно. Не давайте ему повода жаловаться на меня.

Он быстро ушёл, не желая оставаться ни на секунду дольше:

— Что касается остального, пусть судьба решит.

Тюремщик слегка кивнул, и, когда Хэ Чжицзин вышел за ворота, его лицо потеряло подобострастное выражение, став почти насмешливым.

Лю Синьюань всё ещё сжимал решётку, его глаза полны ненависти и несправедливости. Тюремщик, словно вздохнув, постучал по железной двери. Лю Синьюань выкрикнул:

— Что, старик не выдержал? А ты кто такой, чтобы защищать этого старого дурака?

Он плюнул, его глаза полны злобы, и теперь он готов был наброситься на любого.

Холодный ветер разносил его крики, но никто больше не обращал внимания на бывшего сына министра.

Через десять дней чёрный ворон сел во дворе резиденции Лю. Его хриплый крик разносился в дневном свете, не прекращаясь. Семидесятилетняя мать Лю Хэн, услышав зловеющий крик, почувствовала тревогу:

— Хэн, приготовь карету и сам поезжай за моим внуком.